

АРМЯНСКОЕ НАЦИОНАЛЬНОЕ ДВИЖЕНИЕ. ИСТОРИЯ И ПСИХОЛОГИЯ

ПРИ ВСЕМ МНОГООБРАЗИИ этнических конфликтов и национальных движений на территории бывшего СССР армянское движение представляет собой нечто исключительное. Оно первое из тех, кому за поразительно короткий срок удалось стать общенациональным и надолго сплотить нацию. По масштабам и упорству борьба за соединение Армении с Карабахом оставляет позади себя выступления всех иных национальных движений, даже столь высокоорганизованных, как прибалтийские. И наряду с этим армянское движение резко отличается от других по своим задачам. Здесь на первом месте Миацум (присоединение Карабаха), а не достижение независимости, которая была провозглашена в основном в силу сложившихся обстоятельств, в процессе общей дезинтеграции Советского Союза. Более того, наиболее националистически настроенные армянские партии за рубежом и их сторонники в Армении выдвигали самые серьезные возражения против провозглашения независимости. (Трудно представить себе, чтобы, скажем, украинская или эстонская националистическая эмиграция выступала против независимости своих стран!)

Таким образом, армянское национальное движение по меньшей мере весьма своеобразно. Можно ли объяснить его особенности только объективными внешними факторами — особо сильным угнетением карабахских армян азербайджанцами, делавшим задачу их спасения не только неотложной, но и заслоняющей все иные задачи?

На мой взгляд, нет. Положение армян в доперестроечном Карабахе, разумеется, требует беспристрастного изучения. Однако здравый смысл говорит о том, что хотя карабахские армяне, несомненно, в какой-то мере притеснялись, степень этого притеснения едва ли могла быть выше той, что испытывали многие другие народы СССР. Все наименьшинства в той или иной мере могли чувствовать себя притесняемыми, и вряд ли, например, у татар, либо башкир, или у тех же азербайджанцев в Армении было меньше объективных оснований ощущать себя притесняемыми, чем у карабахских армян. Чтобы верно понять карабахское движение, следует, видимо, обратить внимание не только на объективные внешние условия жизни народа, но и на то, что это за народ, какова его культура, психология, историческая память. Реакция на внешний стимул всегда является производным двух факторов — самого стимула и того, что именно это реакция. Попробуем разобраться в этом втором факторе.

ОЧЕВИДНО, важнейшим обстоятельством истории, в громадной мере определившим дальнейшие судьбы народа Армении, был монофизитский выбор, сделанный армянской церковью в V веке н. э. Культурное своеобразие Армении, связанное с ее буферным и маргинальным положением, и до V века закреплялось в строе армянской церкви (создание армянского алфавита и принятие грабара как богослужебного

Первая из серии статей, посвященных историческим судьбам народов и республик, входивших в состав распавшегося Советского Союза. Тема одной из следующих статей — проблемы современного Азербайджана. — *Ред.*

языка уже в какой-то мере отделили эту христианскую нацию от других). Но монофизитство окончательно выделило армян в этнос-религию, этнос-церковь. Он представлялся еретическим как для православных, так и для католиков и имел лишь относительно слабые связи с другими монофизитами — сирийцами и коптами.

Естественно, что организационное и догматическое отделение привело к закреплению множества культовых и организационных отличий, что в совокупности определяло своеобразие армянского христианства: собственное летосчисление, особенности пасхального цикла, специфический способ приготовления мира и многое другое. Характерно, что хотя в самой богословской основе выделения армянской церкви нет никакого намека на идею избранности нации (как у другого этноса-религии, евреев, сравнение с которым армян, на наш взгляд, дает ключ к пониманию многих особенностей армянской истории), идея избранности все же возникает как естественное следствие связи «истинной» веры и этноса.

Это нашло отражение в сочинениях ряда армянских средневековых авторов. Например, Киракос Гандзакеци говорил о видении обратившимся в армянское христианство мусульманам. Они видели Христа, которому поклоняются христианские народы. Когда к нему подошли армяне, Христос «вместе с престолом своим двинулся им навстречу и, облобызав их вместе с их предводителями, воздал им больше почестей, чем всем остальным народам» (*Киракос Гандзакеци. История Армении*. М., 1976, стр. 215). Даже в XIX веке, когда роль догматических различий резко упала, Х. Абовян писал: «Мы... хорошо знаем, что превыше двенадцати и семидесяти двух народов стоит народ армянский, что армянского богословия и шаракана, армянского мира и символа веры нет ни у одного другого народа» (*Х. Абовян. Раны Армении*. Ереван, 1955, стр. 139).

Подобно другим народам, у которых существовала связь этноса и религии, у армян она привела к особой устойчивости этноса, его сопротивляемости ассимиляции. В средние века в рамках великих религиозных общностей — православной, католической, мусульманской — этнические барьеры были очень слабыми, а переход из одного этноса в другой — делом относительно легким. Высшей ценностью была религия, и потому тюркизирующийся перс или онемечившийся чех не воспринимали процесс этнического перехода (в отличие от перехода в иную веру) как нечто важное. Недаром средние века дали так много людей с неясной национальностью, из-за которых впоследствии, когда национальные границы приобрели иную значимость и ценность, начались настоящие идейные бои. Но для армян (как и для евреев, хотя, разумеется, и в меньшей степени) полная ассимиляция была невозможной, ибо наталкивалась на необходимость перехода в другую веру. Эти этносы были как бы окружены двумя стенами — собственно этнической и религиозной. Вот лишь один пример. К XVII веку существовавшая с XI столетия львовская армянская община давно утратила армянский язык, перейдя на польский и тюркский. Точно так же утратили родной язык армяне в Стамбуле, Сирии, Египте. Но от этого они не перестали быть армянами, не растворились среди окружающих их народов, как не растворялись и давно забывшие свой язык евреи. Когда в начале XVII века в контрреформационной Польше начались гонения на армян с целью заставить их перейти в католичество, давно перешедшие на польский львовские армяне предпочли эмиграцию в Молдавию и Валахию (см. *Z. Arpee. A History of Armenian Christianity*, New York, 1946, p. 226). Естественно, что по отношению к мусульманским народам граница, препятствующая ассимиляции, была еще более непроходимой.

Ясно, что этнос, устойчивый к ассимиляции, легко создает диаспору, ибо, по каким бы причинам и куда бы ни попала группа его представителей, она не растворяется, а как бы «консервируется». Созданию армянской диаспоры способствовало к тому же и географическое, геополитическое положение Армении — постоянного буфера между Византией и персами, которых сменили арабы, затем между турками и персами. Постоянные походы через Армению, многократные насильственные переселения, серия «вавилонских пленений» армян (роль шаха Аббаса в данном случае вполне сравнима с ролью Навуходоносора) создали громадную армянскую диаспору, сопоставимую с еврейской. В XVII веке Симеон Лехацци, путешествуя по Европе, Азии и Африке, фактически переезжал от одной армянской общины к другой. «И если посмотреть, — писал он, — то от Молдавии до Стамбула и от всей Румынии до великой Венеции нет города, села или поместья, где не было бы армянина, ибо, погрязнув в грехах наших, мы подобно пыли рассеялись по лицу земли» (С. Лехацци. Путевые заметки. М., 1965, стр. 37). В следующем столетии армянские колонии раскинулись от Мадраса и Манилы до Марселя и Амстердама, а затем распространились и по Новому Свету.

Мы видим цепочку причинно-следственных связей. Связь религии и этноса ведет к устойчивости этноса; отсюда — его диаспоричность. Но диаспоричность порождает другое следствие. В средние века и позднее диаспора означала сосредоточение в руках диаспорического этноса торговли и финансов. Для армян торговые операции между Персией и, скажем, Польшей — это торговые операции представителей одного и того же народа, приверженцев одной и той же веры. Роль армянских купцов и финансистов (амиров и ходжей) в экономике Персии и Турции была поистине грандиозной и в определенной мере сопоставимой с ролью евреев в Польше.

Второе следствие диаспоры — это возникающая в ней, особенно в начале Нового времени, открытость новым знаниям и передовым идеям. Достаточно вспомнить, например, факт издания армянских журналов в Индии еще до прихода англичан. Среди прочего в них печатались переводы французских просветителей (журнал «Аздарар» Шваморяна) и разрабатывались проекты конституции Армении (кружок Шаамиряна). Характерно, что эта высокая, европейски ориентированная культура — культура именно диаспоры, а не Армении, причем не только диаспоры западной. Так, первые печатные книги на армянском языке появились в Венеции в 1512 году, в Стамбуле армянская типография действовала с 1568 года, в Новой Джульфе, армянском центре Ирана, — с 1639 года, а в Эчмиадзине типография на деньги армянских купцов из Индии была основана только в 1771 году.

Какова же могла быть судьба армянского народа, диаспоричность которого сделала его, во-первых, народом торгово-финансовым, во-вторых, просвещенным, а к тому же проводником европейских идей и европейского влияния в условиях поднимающегося в XIX веке нерелигиозного национализма? Она оказалась очень близкой к судьбе другого народа, в культуре которого находит проявление схожая конфигурация факторов — связь религии и этноса, диаспоричность, специфическая роль в экономике, открытость новым веяниям, — к судьбе евреев. В Германии эпоха Просвещения открыла для евреев двери в общественную жизнь, науку и т. д., но породила и светский, нерелигиозный немецкий национализм, превращавший евреев в козлов отпущения и в конечном счете приведший к геноциду, немыслимому в средние века. Подобно этому, в Турции европеизация XIX века принесла резкое улучшение положения армян, но вызвала к жизни и светский турецкий

национализм, «тюркизм», породивший в итоге геноцид (или нечто очень близкое к геноциду, «протогеноцид») 1915 года, и технически, и психологически невозможный в традиционном мусульманском обществе.

Геноцид евреев и геноцид армян подводят страшную черту под перекрестом общих черт еврейской и армянской истории.

Особое положение армянского народа и его трагическая судьба не могли не отразиться на своеобразии национального самосознания армян в Новое время, в эпоху секуляризации. Средневековая религиозная идеология давала объяснения и создавала идейные компенсации странному и «ненормальному» положению этноса (отсутствию государственности, рассеянию). У евреев это вера в избранность и грядущее царство Мессии. У армян как следствие, логический вывод из факта совпадения религии и этноса также возникает идея избранности. И в качестве такого же логического вывода из фактов «истинной веры» и отсутствия собственной государственности рождается идея восстановления армянского царства в конце истории. (Х. Абовян заявляет устами своих героев: «...Говорят, пока не придет конец света, не будет у нашего народа ни царства своего, ни престола...» (Х. Абовян. Указ. соч., стр. 140.)

Упадок этой идеологии в Новое время означал осознание особого положения этноса как мучительной проблемы, требующей нового решения — и идейного, и волевого, действенного. Диаспоричность, отсутствие своего государства теперь уже не могли объясняться волей Божьей и компенсироваться идеей избранности и неизбежного возмещения Богом страданий народа в конце истории. Теперь они стали восприниматься как «неполноценность», требующая усилий воли для ее ликвидации. У евреев это породило сионизм с его глубочайшим ощущением «ненормальности» положения евреев, как национальной «неполноценности», и пафосом «нормализации». Работу по воссозданию, «нормализации» еврейского общества, проделанную сионизмом, можно назвать поистине титанической, и проделать ее можно было лишь при немыслимо высокой мотивации, крайне остром ощущении «ненормальности» и стремлении к норме.

У армян, которые никогда полностью не теряли, как евреи, исторической родины, такой же высокой мотивацией стала борьба за воссоздание армянского государства. Особую роль в ней играла более мучительно переживавшая свое положение и более просвещенная диаспора. В ней создавались революционные организации, из нее направлялись в Турцию агитаторы и организаторы выступлений, она, как и еврейская диаспора, пыталась использовать свое влияние в странах проживания для освобождения родины.

Любой национализм в какой-то мере — это результат ощущения народом «комплекса неполноценности». Сионизм и армянский национализм питают дискриминация, национальные преследования и оскорбления, отсутствие «своего» государства, то есть психологические травмы, нанесенные национальному самосознанию. А геноцид — это кульминация таких травм, предельная по болезненности травма. Состояние народа, пережившего геноцид, можно сравнить лишь с состоянием женщины, подвергшейся зверскому изнасилованию. Армянский социолог Г. Погосян говорит об отсутствии исследований о психологическом значении геноцидов. «Ясно лишь одно, — пишет он, — что геноцид оставил глубочайший след в сознании народа. Очевидно, что эхо далекой трагедии накладывается и на людское горе, сегодня придавая ему особую остроту» («Коммунист» (Ереван), 1 июля 1989 года). Французский исследователь Ж. П. Ришардо назвал армян «народом, травмированным навсегда» («Голос Армении» (Ереван), 22 января 1991 года).

Геноцид — страшная травма, которая не может не породить сильнейшего невроза, навязчивых воспоминаний о пережитом ужасе, страха его повторения, стремления самоутвердиться и даже отомстить. Все это, безусловно, присутствует и в еврейском, и в армянском самосознании. Однако истории евреев и армян после геноцида резко отличаются, и соответственно возникают значительные различия в национальной психологии.

У ЕВРЕЕВ геноцид приблизительно совпадает во времени с величайшим событием их истории — созданием государства Израиль, достижением почти чудесной, казавшейся немыслимой «нормализации» положения евреев, их превращением в народ среди других народов. И хотя «нормализация» эта и сегодня не полная (ибо положение Израиля, не признаваемого его соседями, остается очень сложным, что вновь усиливает страх повторения геноцида и возрождает в какой-то мере ощущение гетто), серия военных успехов Израиля, появление в нем нового поколения людей, выросших в независимом государстве, постепенное примирение с ним соседей — все это неуклонно ведет к «успокоению», «нормализации» еврейского самосознания. Прежде всего это касается самого Израиля, но в какой-то мере относится и к диаспоре, ныне ощущающей за своими плечами поддержку целого государства.

В армянской истории такого события, компенсирующего травму геноцида, «нормализующего» самосознание, не произошло. Создание «своего» государства, появление в 1918 году руководимой дашнаками Армянской Республики подобным событием не стало. Дело в том, что, зажата между угрозой с юга и угрозой с севера, получившая независимость во многом против своей воли, силой обстоятельств, Армения вскоре предпочла этой эфемерной и не дающей гарантий полной независимости полугосударственный статус в рамках СССР, гарантирующий национальное существование. Фактически дашнаки отказались от борьбы за независимость, и существовавшая в 1918—1920 годах Армянская Республика не только не явилась событием, освобождающим народ от невротического ощущения собственной недостаточности, но скорее усугубила это ощущение. Видный дашнакский деятель О. Качазнуни позже писал: «С первого же дня нашей государственной жизни мы отлично понимали, что такая маленькая, бедная, разоренная и отрезанная от остального мира страна, как Армения, не может стать действительно независимой и самостоятельной». И далее: «Мы должны быть благодарны большевикам. Свергнув нас, они, если не сказать — спасли, то, во всяком случае, поставили на более надежные рельсы унаследованное дело» («Голос Армении», 26 января 1991 года).

И хотя, как мне думается, допустимо проведение некоторой параллели между ролью Советской Армении для армянского народа и ролью Израиля для евреев (поддержка диаспоры, роль ее культурного центра, движение реэмиграции, сопоставимое с сионистским, и т. д.), Советская Армения все же не была независимым государством. Судьба и безопасность ее зависели не от нее самой, а от СССР, воли Москвы. Поэтому, естественно, Армения и не могла, во всяком случае в полной мере, выполнить функцию Израиля — функцию «нормализации», успокоения раненного, травмированного национального самосознания.

В самосознании евреев военные победы Израиля да и просто стоящие перед ним проблемы постепенно заслонили травму геноцида. У армян же этого не произошло. Прошлое продолжало оставаться незаживотой раной. Сознание нации по-прежнему фокусировалось на страшных

событиях прошлого, вновь и вновь переживая их, подобно тому, как сознание человека, подвергшегося грубому насилию, вновь и вновь возвращается к пережитому им ужасу. При ограниченных же возможностях «нормальной», реальной национально-государственной жизни возникало нечто вроде фантастической, мечтательной ее компенсации.

В диаспоре «исторические партии» на протяжении десятилетий сохраняли и культивировали идеологию мести туркам и восстановления исторических границ Армении (но отнюдь не восстановления армянской независимости, которая парадоксальным образом представлялась менее реалистической перспективой, чем возвращение Карса и Эрзерума). При этом никаких реальных путей для претворения в жизнь подобных идей не существовало — имелась лишь надежда на чудо, на какое-то благоприятное стечение обстоятельств. Осуществлялось постоянное давление на «страны проживания», результатом которого, однако, явились чисто символические успехи, вроде осуждения Европарламентом геноцида 1915 года. Прямым следствием безнадежности и бессилия стал террор, организованный армянскими «революционными» группировками против турецких дипломатов в 70-е годы.

Идеология диаспоры как «неофициальная» идеология долгое время доминировала и в Советской Армении, равно как и в советской армянской диаспоре. Здесь также не переставали мечтать о реванше и возвращении армянских земель. «...Мы обреченно вздыхали, вспоминая не только о горе Арагат, которая на нашем государственном гербе..., но и о Карабахе и Нахичевани. ...Наши сердца воистину обливались кровью при взгляде на карту» («Голос Армении», 12 октября 1989 года).

Не имея возможности бороться за настоящее, армянские историки и публицисты вели борьбу за прошлое. Кажется, нет другого такого народа, который бы больше жил в минувшем, переживая и бывшее величие, и прежние катастрофы. (Вспомним в этой связи и «Уроки Армии» А. Битова.) Под покровом советской интернационалистской идеологии фактически велось нечто вроде войны историков, войны-реванша, и самые эзотерические проблемы, которые у других народов способны взволновать лишь горстку специалистов (вроде проблемы албанизмов в языке Мовсеза Каланкатауци), приобретали общественную значимость, обсуждались на страницах массовых изданий. Ненависть к турецким насильникам вошла составным элементом не только в неофициальную, но даже в официальную идеологию Советской Армении, причем Москва допускала в этом вопросе определенные отклонения армянской позиции от курса СССР. Возможно, считалось, что такая ненависть будет гарантией того, что армяне не отвернутся от России.

Ни в Советской Армении, ни в диаспоре невроз не компенсировался и не рассасывался, он как бы консервировался. Страх в отношении соседей, страх перед повторением 1915 года не исчезал, естественная ненависть к прошлым насильникам не ослабевала, как это произошло с бывшей ненавистью евреев к немцам. Более того, в ряде публикаций ереванской печати она принимала особо болезненные формы, подчас граничившие, на наш взгляд, с расизмом.

И при первом дуновении свободы, которую несла с собой перестройка — а она не только пьянила, но и страшила, ибо освобождение от тоталитарной дисциплины — это свобода для всех, включая и насильников, способных вернуться к прежним методам, — подавленные страхи, мечты о восстановлении исторической справедливости и реванше стали выходить наружу с немислимой силой. Если у прибалтов, украинцев и других народов возникшие с перестройкой национальные движения оказались направлены против «русского владычества», за выход из состава СССР, то в Армении произошло нечто совсем иное.

Движение стало спланиваться вокруг не идеи независимости, а идеи соединения с Карабахом, то есть своего рода компенсации (если не реванша) за геноцид 1915 года — армянское массовое сознание ставит знак равенства между азербайджанцами и турками. (Мы здесь абстрагируемся от сложного вопроса возникновения в 1921—1923 годах политической карты Советского Закавказья, который еще много раз будет изучаться исследователями.)

Ставший эмигрантом и дашнаком армянский диссидент Э. Оганесян писал: «Идея воссоединения Арцаха... с Арменией стала главной для всех армян, как на родине, так и за рубежом... Политическое мышление армян на всех социальных уровнях обращается вокруг этой главной, если не сказать — единственной, национальной идеи...» (Э. Оганесян. Век борьбы. Мюнхен — Москва, 1991, стр. 561).

Не учитывая этого обстоятельства, не принимая во внимание травмы 1915 года и отождествления в армянском сознании азербайджанцев и турок, невозможно, по моему убеждению, понять смысла и функции этого движения, отодвинувшего на задний план в сознании армянского народа все иные проблемы.

Мощь и страстность карабахского движения — порождение психической травмы, невроза, постоянно терзавшего национальное самосознание. Но неврозы обладают одной особенностью: они порождают действия, вызванные страхом повторения некоей мучительной, травмирующей ситуации, но не адекватные новой, реальной ситуации и фактически ведущие как раз к этому повторению. Карабахское движение нельзя понять и осмыслить без учета травмы 1915 года. Но фактически оно изначально вело к серии новых травм. Я не говорю здесь об очевидной моральной стороне дела — о преступлениях азербайджанских погромщиков в Сумгаите, а затем в Баку. В данном случае речь идет лишь о цепочке причинно-следственных связей. А цепочка эта очевидна — не возникни мощного движения, пытающегося через центр, через Москву соединить НКАО с Арменией (что для армян означало бы восстановление исторической справедливости, но для азербайджанцев явилось бы надругательством над суверенитетом республики), более того, не будь уже возникшей волны беженцев-азербайджанцев из Армении, не было бы, наверное, Сумгаита и Баку. Но после того как преступления в Сумгаите и Баку стали реальностью, совершилось как бы подтверждение всех прошлых страхов. Оказался перечеркнутым весь длительный опыт спокойного и мирного сосуществования армян и азербайджанцев и в Армении, и в Азербайджане.

В начале борьбы за Карабах казалось, что еще немного, еще один нажим российских демократов, безоговорочно поддерживавших армян, — и Карабах будет передан Армении. (Если требования и иллюзии армян естественны, поскольку порождены армянской историей, спецификой армянского самосознания, то безоговорочная поддержка карабахского движения российской либеральной интеллигенцией, возможно, тоже естественна, но, на мой взгляд, все же служит проявлением поразительной политической безответственности.)

Но по мере того как демократы от лозунга права наций на самоопределение перешли к более выгодному лозунгу суверенитета республик, позволяющему вступить в союз с местной бюрократией, стремящейся к перераспределению власти в свою пользу, перспектива присоединения Карабаха становилась все более призрачной. Армения вновь оказалась одинокой, всеми преданной, брошенной на растерзание. Круг замкнулся, история повторилась, и преследовавший национальную память армян ужас 1915—1920 годов ожил, как бы вновь воплотившись в реальность.

В своей «Исповеди политического лидера» уже цитировавшийся О. Качазнуни вспоминает о том, как к концу 1915 года «эйфория и самогипноз» сменились ужасом, как «искали доказательств предательства русских и, конечно, находили, точно так же, как шесть месяцев тому назад искали и находили доказательства благожелательного отношения русских» («Голос Армении», 25 января 1991 года). Читая эти строки, ловишь себя на мысли, что речь идет о 1988—1989 годах, когда перестроечная «эйфория» сменилась в Армении ужасом, разочарованием в центре и появлением антирусских настроений. Но история если и повторяется, то лишь частично, «на новом витке спирали».

Как и в 1918 году, Армения пришла в 1991 году к независимости в громадной мере в силу обстоятельств. Во-первых, из-за глубокого разочарования в центре, которое сменило наивную веру, подогреваемую российскими демократами, в то, что еще немного — и искомая цель армянским народом будет достигнута. А во-вторых, — и это главное — из-за общего процесса дезинтеграции СССР. Однако обретенная Арменией независимость значительно прочнее, чем та, что была получена семь с лишним десятилетий назад. Это независимость в условиях совсем иного мира, мира ООН, СБСЕ и т. д., мира, в котором начиная с 1945 года не утрачивало независимости ни одно признанное мировым сообществом государство.

Страх перед Турцией, достаточно реальный в 1915—1920 годах, когда та вела войну и сама боролась за выживание, сейчас превратился в чисто мифологический и невротический. Из факта чудовищного погрома, устроенного в 1915 году младотурками, находившимися в истерическом состоянии из-за своих неудач на фронтах первой мировой войны и поддержкой армянами Антанты, никак не следует, что современная Турция таит угрозу Армении. Как показали события 1991—1992 годов, Турция, стремящаяся стать полноправным членом «Общего рынка», напротив, очень заинтересована в армяно-турецком сближении. Еще одно соседнее государство, Иран, невзирая на всю антимусульманскую риторику армянских публицистов, неожиданно оказалось чуть ли не союзником Армении в армяно-азербайджанском конфликте.

В то же время российские потрясения 1988—1991 годов — это тоже никак не повторение революции 1917 года, и имеется очень мало шансов на возникновение некоего аналога большевистской Красной Армии, способной осуществить вновь полузавоевание-полуспасение Армении. Мир, в котором сегодня оказалась независимая Армения, представляется значительно менее угрожающим, чем тот фантастический мир, который порожден невротическими страхами, связанными с переживаниями 1915 года, и несравнимо менее опасным, чем реальный мир 1918 года. (Хотя одновременно этот мир, конечно, не оставляет возможности для реализации планов создания «Великой Армении».)

С другой стороны, и Армения сейчас совсем не та, что была в 1918 году. При всей призрачности армянской государственности советского периода Армянская ССР все же представляла собой «полугосударственное» образование с четкими границами и несомненным национальным лицом. В этом «полугосударстве» выросла мощная армянская интеллигенция и не менее мощная бюрократия. И, несмотря на все видимое господство армянской «невротической мифологии», в этой новой армянской элите, образованной, обладающей гарантированным статусом и связанной не с диаспорой, а с самой Арменией, постепенно складывалась новая, более «реалистическая» психология, разительно отличающаяся от психологии как диаспоры, так и дашнакской политической элиты 1918—1920 годов. Как и другие интеллигентски-бюрократические элиты бывших союзных республик, она не могла не стремиться

ся к большей власти, к большей независимости от Москвы, и это стремление, диктуемое ее социальным положением и социальными интересами, в конечном счете оказывается сильнее не только мифологических схем, но даже требований, диктуемых борьбой за Карабах.

Поначалу идея независимости выдвигалась лишь немногими диссидентами (прежде всего П. Айрикяном), но постепенно к ней стало переходить и возникшее из комитета «Карабах» Армянское Общенациональное движение (АОД) во главе с Л. Тер-Петросяном. Оно и пришло к власти на первых свободных выборах. На сторону АОД, подобно тому, как это происходило с аналогичными движениями в других республиках бывшего СССР, шаг за шагом переходила основная масса местной элиты. И если в 1988—1989 годах голос этой элиты тонул в общеармянском хоре, требовавшем Миацума, то по мере движения к независимости он становится слышен все более отчетливо. И требует он уже не Миацума, а прежде всего стабилизации положения независимой Армении, от которой неотделима и стабилизация собственного положения этой элиты.

За шумом карабахского конфликта российская пресса совершенно «пропустила» глубочайшие изменения, происшедшие в идеологии АОД, борьба которого за власть и независимость страны сопровождалась изживанием (и, надо сказать, довольно быстрым) глубинной национальной мифологии. Между тем сами аюдовские лидеры, и прежде всего Тер-Петросян, не склонны преуменьшать революционного значения происшедших изменений. «Объективным, — по словам Тер-Петросяна, — является то, что трудно нашему народу, в течение 70 лет вскормленному на одной психологии, сегодня внутренне совершить крутой поворот и допустить возможность нашего диалога с Турцией... Я думаю, что самое большое достижение, самая большая революция в нашем политическом мышлении, чего мы достигли в течение последних лет, — это отказ от пустой мысли надеяться на другого, на покровительство третьего государства. В течение 300 лет политическая мысль армянского народа отравлялась ошибочной идеей, что крупные державы — иногда Западной Европы, а как правило, Россия — должны осуществить наши национальные задачи...» («Голос Армении», 25 ноября 1990 года). В недавнем интервью «Независимой газете» (13 августа 1992 года) он повторил эту мысль: «Мы отказались от идеи ориентации, на которой почти 300 лет основывалась политическая мысль Армении... Конечно, оппозиция до сих пор обвиняет нас в национальном предательстве, но мне кажется, психологические барьеры преодолены...»

Это армянское «новое мышление» и соответствующие ему действия, прежде всего диалог с Турцией, вызывают, естественно, бешеную оппозицию. Против Тер-Петросяна и его единомышленников — вся мощь трехсотлетней мифологии, весь груз армянского «комплекса национально-государственной неполноценности» и вся история карабахского движения, возникшего отнюдь не как движение за независимость и изначально все свои расчеты строившего на том, чтобы оказывать давление на Москву, центр. При этом происходит объединение самых разнообразных сил, воплощающих различные аспекты армянского традиционного мышления.

Это, во-первых, вернувшиеся в 1990 году и создавшие здесь свои отдельные партии представители диаспоры, прежде всего дашнаки с их страстным антитюркизмом и традиционной политикой опоры на Россию. Только догматизм большевиков в свое время сделал «антисоветчиков» из дашнаков, лидер которых писал в 1924 году: «Разрушить Советскую власть... означает разрушить и Армению. Каждая попытка в этом отношении — измена по отношению к Родине» (О. Качазнунц,

Открытое письмо господину З-у. — «Голос Армении», 18 ноября 1990 года). Теперешний лидер дашнаков Г. Марухян в своем первом интервью армянской прессе, 16 февраля 1990 года, говорил: «Хотелось бы сообщить господину Горбачеву, что стержневым принципом нашей политики в Армении является поощрение арцахского движения в политически зрелом направлении, которое исключает антисоветские и антирусские настроения» (см. Э. Оганесян. Указ. соч., стр. 679). По словам самого Э. Оганесяна, «если сегодня Армения вдруг станет независимой страной, то это не будет означать того, что русские подарили нам свободу. Напротив, это будет означать, что русские подарили нас Турции» («Голос Армении», 24 мая 1990 года). Поскольку перехватить инициативу у АОД и добиться власти дашнакам не удалось (удача сопутствовала им лишь в Карабахе, где реальность наиболее близка к дашнаковскому мифу) и Армения устремилась к независимости, дашнаки перешли в решительную оппозицию.

Во-вторых, это прежние партийные функционеры, не нашедшие по тем или иным причинам места в АОД и использовавшие карабахское движение для того, чтобы помешать Армении выйти из СССР, сохранить максимальные связи с Москвой, поскольку для них это означает сохранить свою роль, свое влияние. «Руководствуясь национальными целями, в первую очередь проблемой Арцаха, мы должны сохранить Союз Суверенных Государств» (из выступления А. Саркисяна на пресс-конференции в ЦК КПА. — «Голос Армении», 1 февраля 1991 года). «Актуальна ли сегодня проблема Карабаха и считает ли Республика Армения эту проблему своей или нет? На деле — нет... Эти политические силы пришли к власти, размахивая знаменем признания геноцида 1915 года, но сегодня, даже не спрашивая мнения всего армянского народа, они как бы предали эту общенациональную проблему во имя установления экономических связей с Турцией... Кто сказал, что политическая независимость — гарантия независимости в целом?» (из речи С. Погосяна на третьем этапе XIX съезда КПА. — «Голос Армении», 1 мая 1991 года).

Происходит смычка этих двух ранее враждебных, но в целом воплощающих общую ментальность сил. К тому же в идеологии дашнаков сохраняется законсервированный, унаследованный от прошлого «социализм» (как наивно замечал тот же Э. Оганесян, «лучше всего... — «национал-социализм» — не оскверни это сочетание Гитлер... оно вполне могло бы соответствовать идеалам дашнакской партии». — Указ. соч., стр. 524), противоречащий прокапиталистическим тенденциям аодовской верхушки.

К этим двум силам примыкают некоторые московские армянские деятели, чье влияние также зависит от их роли посредников между Москвой и Арменией. В наиболее острой и даже, я бы сказал, гротескной форме их настроения выразил З. Балаян в «Открытом письме Ельцину»: «Именно сейчас, когда Россия стоит перед выбором пути к реальному спасению, христианский Карабах... будет продолжать борьбу за свое выживание как части исторической Армении, вошедшей в состав России, как надежный форпост... Нет карабахского вопроса как такового, он давно решен и скреплен кровью русских и армян. Скорее есть вопрос Азербайджана, который был искусственно образован как буферное тюркоязычное административное деление» («Голос Армении», 16 февраля 1991 года).

Весь этот разношерстный блок можно назвать промосковским, прорусским. Но прорусскость эта весьма специфична. Блок готов поддерживать любое российское правительство (Э. Оганесян пишет: «Мы должны отказаться от всех тех шагов, которые противоречат русскому

государственному интересу, независимо от того, кто представляет эти интересы — царь-батюшка, националисты, демократы или коммунисты». — Указ. соч., стр. 684) в расчете на то, что Россия в конечном итоге «вернется на Кавказ», «накажет» Азербайджан, защитит от Турции и вообще поможет своему «историческому союзнику». Эта «прорусскость» — другая сторона болезненного, агрессивного, но исполненного неведения в собственные силы, «комплекса неполноценности» и стремящегося действовать через других, чужими руками, национализма.

Между этими прорусскими силами и АОД ныне разворачивается жестокая борьба. И это вовсе не борьба «прорусской» и «протурецкой» ориентаций, не борьба ориентации на меньшую самостоятельность, но зато с возможностью расширить территорию и добиться реванша, с ориентацией на отказ от реванша и экспансии, но зато при полной независимости. Речь идет о большем. Это борьба за полноту власти новой, сложившейся в Армении элиты с элитой диаспоры (в том числе и российской). И одновременно это борьба новой, более реалистической, «нормальной» государственной философии с мифологией, с бесконечным переживанием травм прошлого и «комплексом неполноценности». И поскольку обретение Арменией независимости, ее столкновение «один на один» с миром — это по сути своей столкновение с реальностью, выход из состояния «аутических» фантазий, победа в этой борьбе скорее всего будет за АОД и во всяком случае воплощаемой ею тенденцией.

Мы сравнивали в начале статьи армянскую и еврейскую историю. И, возможно, подобно тому, как для евреев создание Израиля сыграло громадную «терапевтическую» роль, «нормализовав» национальное самосознание, и для армян достижение независимости сыграет аналогичную роль. В этом случае Армения войдет в XXI век «нормальной» страной, членом мирового сообщества, имеющим спокойные отношения с соседями.

КАРАБАХСКАЯ ВОЙНА, однако, продолжается, унося все новые и новые жизни. При всех революционных изменениях в своей политике и политической философии Л. Тер-Петросян слишком скован и грузом прошлого (ведь сам он начинал как борец за Карабах), и грузом настоящего. Карабах, в котором у власти стоят дашнаки, далеко не полностью подчиняется ему. Президенту приходится считаться с мощной оппозицией, препятствующей всяким реальным шагам к миру, признанию того, что Карабах — часть Азербайджана. Тем не менее карабахская война все более отчетливо осознается в Армении как путь, унаследованные от прошлого и мешающие строительству «нормального государства». Почти несомненно, что в ближайшем будущем поиски выхода из карабахского тупика станут особенно интенсивными. При этом формула мира, очевидно, скорее всего будет заключаться в признании Карабаха частью Азербайджана и каких-то дополнительных международных гарантиях прав карабахских армян. Практически это окажется почти той же самой формулой, которую в 1988 году безуспешно предлагал М. Горбачев. Однако минувшие четыре года — это изгнание всех армян из Азербайджана (кроме Карабаха) и азербайджанцев из Армении, погромы и зверства, Сумгаит, Баку и Ходжалы, разрушение экономики обеих стран, причем армянской, естественно, в большей степени, чем азербайджанской, гибель и немыслимые страдания десятков тысяч людей. Возникает естественный вопрос: нужно ли было все это, чтобы в конечном итоге прийти к тому же, чего без всякой трагедии можно было добиться еще в 1988 году?

Как ни печально признавать, четко ответить на этот вопрос «нет», очевидно, нельзя. Ценой всех этих жертв и страданий совершаются глубокие изменения в самой психологии народа. Распад СССР, принесенный миллионам людей массу страданий, одновременно означал оздоравливающее «столкновение с реальностью» во всех ее аспектах — политическом, экономическом и др. И, быть может, армянам, как никакому другому народу СССР, было психологически необходимо такое «столкновение с реальностью». Его могло дать лишь обретение независимости, исчезновение центра, на который прежде можно было сваливать свои беды и неудачи, за которого можно было «прятаться», умолять о помощи и т. д.

Страшный путь, проделанный армянским народом за последние годы, и был путем к этой реальности, путем изживания мифологического «аутического» и невротического сознания. И если сейчас будет существовать независимая Армения (пусть не «великая», но ведь в конце концов реальное величие народа очень мало связано с величиной занимаемой им территории), мирно живущая со своими соседями, избавившаяся от невротических кошмаров и груза прошлого, то можно сказать, что, как ни огромны и ни бессмысленны с чисто рациональной точки зрения перенесенные за эти годы людские страдания, они не были напрасными. И это касается не только Армении, но и всех народов этого региона, да и России.

Ибо реальные интересы демократической России в Закавказье — это отнюдь не бессмысленное возобновление экспансии на юг, что фактически предлагают России нынешняя армянская оппозиция и ее приверженцы в Москве. Эти интересы заключаются только в одном — мире, демократическом правопорядке и процветании народов Закавказья. Демократическая, мирная Россия нуждается в одном — иметь демократических, мирных соседей, в том числе и демократическую, мирную Армению.
